

Люди чувствуют, в какой неумолимый хаос сползает их бытие при исчезновении из него привычных, наскучивших, а иногда и осточертевших опор. Какие-нибудь истины, или сенсации, еще памятные ныне живущим, сваливаются во вчерашние газеты и скидываются в не читаемые никем архивы или в скорые помойки. И то, что вчера занимало умы и души, исчезает в обрывках и обрезках, которые никто не собирается подбирать.

Нет, это лучше обрисовано в стихах:

Поверишь ли, что где-то
в маленьких магазинчиках на задворках мира
до сих пор пускают на обертку газеты.
С брезгливой миной
гляжу на чужие буквы,
нечитаемую журналистскую клюкву,
типографскую краску, гордость ненашенского
Гуттенберга.

Номер в черном и красном — от воскресенья или
от четверга неизвестного месяца бывшего года.

Может, славным событием дня был прогноз
погоды,
может, гибель империи, гиены в пригороде или
выборы в мэрию.

Их трагедии кукольны и нелепы.
На помойку газеты!

Это стихи Галины Ицкович. Она родилась и выросла в Одессе, а потом, объехав полмира, сменила ме-

сто жительства и с начала 90-х годов обосновалась в Нью-Йорке.

Не надо думать, что это выбор «инога мира» в противовес «родимой точке». Одесса — город, славный не железной замкнутостью, а как раз пестротой и многообразием обновляющегося населения. Так что жажда объять мир у одеситки, что называется, в крови.

«Тимбукту, Пекин, Йокогама, Керчь...»

Что-то сцепляет этот перечень... «Неуловимая похожость»? Хотя в каждом новом месте — свой жест узнавания. «Горстка риса в пальцах правой руки»... Где обретается в этот момент странница? Может, в Дакоте. А может, в Аргентине. Каждый раз какая-нибудь деталь фиксирует место: не спутаешь. Рекордной в этих приметах (если учесть нынешние русско-украинские отношения) я бы счел следующую строку: «Мир вишневый коло хаты». Понятно, где это?

В общем, размечается целая сфера общения, где участники нащупывают общий язык. Изобретательность заразительная. «Араб в ушанке по-датски со мной говорит». С чего бы это? Допустим, датский он выучил, собираясь в Европу. А ушанку надел, сообразив, что собеседница — русская?

Этот интернациональный (всемирный по традиции) адрес общения — важнейший в жизненном строе нынешнего молодого поколения, в котором осознала себя Галина Ицкович.

Интересно: в этом кругу никто никого не учит жить.

Посмотрим на конкретном примере. Учтем стилистику поэтессы. Статуя Свободы и Бруклинский

мост. Затор: статуя — «франтиха, школьница иностранка» — перегородила на мосту маршрут вагончику. Пассажиры — «яппи и хиппи, технари и придурки — ворочаясь в потнейшей люльке» — хватаются за телефоны и проклинают заоконную красоту.

Поэтесса бросает им вслед:

Вы поезжайте, а я еще полюбуюсь, пока
Мы со Свободой маемся в поисках общего языка.

Две великие столицы — Москва и Нью-Йорк — не думают учить друг друга, а ищут общие пути: общие ценности, общую базу общения. И общий смысл такого общения.

Поиск Единой Базы — черта поколения, идущего на смену энтузиастам Красного Века с его горьким опытом.

Вспоминает ли Галина Ицкович этот горький опыт?

Вспоминает. И вот как: читает книгу о Корчагине. Школьное задание. Но сказать что-нибудь по существу отказывается. Я говорит, сейчас на диете. Ей про то, как закалялась сталь, неинтересно.

Может быть, у «пролетариев всех стран» найдется что-нибудь поинтереснее? Пролетарии, пишет она, заняты тем, что прячут от прохожих свой «хронический разброд между жизнью и учением». Страна при этом усердно претворяет план, «обещая Золушкам башмаки». Интересно, как отнеслись бы настоящие марксисты-ленинцы к башмакам как к цели коммунизма...

Да ведь не в самих идеях дело, а в том, что под ними (в их основе) лежит кровавая драма двух мировых войн и смертельной войны отечественной. Это источник всех лишений.

«Как польский еврей с палестинскою девой войну зимовали, друг друга спасая...»

Или еще штрих. Каким незаметным был в школе одноклассник, а запомнился навсегда, сгоревши в танке...

«Флейта тревоги вливается в жуть партитуры».

Жуть партитуры — война. Это беда страшная. У нее нет и не бывает края, своего или чужого: лишь тотальная беда.

Но если человечество отшатывается от мировой войны — будет ли шанс жить, отодвинув прочь тотальные программы, а просто быть... живыми... и изумляться: «Как это я все еще живу?»

Эти прецеденты бытия, вроде бы уклонившегося от всемирных исторических мобилизаций, — любимый тип юмора Галины Ицкович.

«Старуха жила на краю деревни... Старела достойно, сажала капусту, читала Пруста (дань забытой моде)»...

Или такой, более правдоподобный оксюморон:

Мать притворяется, что верит в бабушкины
болезни,

Я притворяюсь, что прогулка через лес
Уже не повредит моей репутации,
Волк притворяется бабушкой. Что за мир!

Что это за мир, где все притворяются, будто живут, как получится, — без принципов, без незыблемых опор, без вечных истин?

Нравственный инстинкт подсказывает Галине Ицкович, что надо возвращаться к вечным истинам. Но уже без кровавого подбоя.

Скорее уж это конец оплаченного маршрута (как у Бруклинского моста): «Входит кондуктор, внимание! Где оно, последнее портмоне?»

С кондуктором придется расплачиваться — это естественно, как смена света и тьмы: «Тьма — перебой дыхания, переход в свет из света. Кто-то есть у выхода. Кто-то, должно быть, стоит у выхода».

Кто-то... Толстовски формулируя: кто или что — не знаем, но что-то есть.

С какою же осторожностью, а то и с опаской всматривается Галина Ицкович в фигуру, которая обещает выпустить ее из развеселой гульбы, где бабушка и волк — одно и то же, в мир, где обозначатся вечные истины и незыблемые нормы бытия! Как тихо надеется героиня пройти эти бытийные ворота! А вдруг тут, на краю преисподней, вырвется из груди притаившийся там крик: «Грех!» — и все пойдет прахом?

А если не пойдет прахом? Если удастся нащупать вечные истины и в условиях нынешней гульбы?

Фигура в дверях — молчаливая и загадочная — тихо возвращает душу к бытию, где великие понятия воскresают в потоке повседневности. Да возможно ли это — после всего, что пережито?!

А голоса, живущие в детской памяти любого нормального человека, — это чьи голоса? Может, родителей?

«А может, это дыхание Бога?»

